

УДК 15.81

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ЦЕННОСТНЫЕ МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

© 2011 г. Е. Б. Харченко

Филиал Военной академии связи (г. Новочеркасск)

Проанализированы когнитивные и социально-ориентационные установки курсантов вузов в контексте инверсии ценности высшего образования, инструментализации образовательных траекторий при сохранении восприятия высшего образования как фундаментальной ценности. Диспозиции курсантов рассматриваются в соотношении с перспективами модернизации высшего военного образования.

Ключевые слова: *высшее военное образование; социальные диспозиции курсантов; личная ресурсообеспеченность; военный специалист.*

Some military higher education institution cadets' cognitive dispositions and dispositions of social orientation are analyzed in the article. The analysis is made in context of higher education value's inversion and its educative strategies' instrumentalization, with simultaneous taking higher education as a fundamental value. Cadets' dispositions are examined together with perspectives of military higher education's modernization.

Key words: *higher military education; cadets' social disposition; personal probability with needed resources; military specialist.*

Высшее военное образование переживает сложный и неоднозначный период реформирования, построения системы общеобразовательной и военно-профессиональной подготовки, направленного на повышение роли интеллектуального, человеческого и кадрового факторов в развитии ВС РФ.

Функции института военного образования в сравнении с гражданским образованием характеризовались и характеризуются доминированием «открытых» форм социального и профессионального воспроизводства, социализацией курсантского состава, освоением военных знаний, навыков и умений, интеграцией военной молодежи в организацию ВС РФ.

Имея в виду отмеченную особенность военного образования, мы попытаемся осмыслить проблему социальной и профессиональной активности курсантов, их социального самочувствия, отношения к военной профессии и учебе через деятельностно-мотивационный срез, описание и классифика-

цию когнитивных, социальных, коммуникативных установок курсантского состава, которые влияют на формирование жизненных траекторий и иерархию жизненных целей.

В целом, курсантский состав вузов социально однороден, включает представителей базовых социальных слоёв, нацеленных на воспроизводство социального статуса родителей или межпоколенческую мобильность в рамках легитимных социальных практик. Высшее военное образование наиболее социально презентативно отражает социальную структуру российского общества, что свидетельствует о периферийном влиянии социальной дифференциации, воспроизводства социальных различий, принимающих характер социальных неравенств в зависимости от семейного капитала.

Выдвинутое предположение требует обоснования с опорой на анализ социальных диспозиций курсантов, схем восприятия, оценки, классификации сферы военного образования. Подавляющее большинство кур-

сантов, судя по результатам самостоятельного социологического исследования, проведенного в 2009–2010 гг., воспринимают высшее военное образование в двойном значении: с одной стороны, как канал вертикальной мобильности, связанный с обретением социально-профессионального статуса, с другой – как возможность стать высокообразованным культурным человеком или хотя бы, по наличию диплома принадлежать к слою специалистов с высшим образованием.

Ориентация на высшее военное образование основывается на оценке жизненных шансов, в контексте которой, привлекательными характеристиками являются: относительная доступность, отсутствие сословных барьеров, слабое влияние территориального фактора, материальная обеспеченность со стороны государства, получение бесплатного жилья в будущем и профессиональная занятость. Таким образом, очевидны два момента: во-первых, наблюдается явный сдвиг в пользу прагматизма и, во-вторых, высшее военное образование интерпретируется как сфера социального равенства.

При этом следует отметить, что за истекший постсоветский период в высшем военном образовании возникли определенные ограничения, связанные с низкой социальной мобильностью выходцев из рабочих семей и сельских жителей, и их доля в курсантском составе снизилась практически вдвое (10–15%). Основной массив составляют представители «бюджетной» интеллигенции, военнослужащие и служащие нижнего и среднего звеньев управления. Можно думать, что высшее военное образование служит «меткой» для обозначения раздела между слоями населения, нацеленными на умеренную социальную мобильность с перспективой вхождения в средний класс и социально зависимыми, для которых преобладающей является стратегия выживания.

Однако, помимо этой интерпретации возможна и другая: высшее военное образование привлекает молодежь с приоритетами стабильности, постепенной социальной карьеры, минимизации рисков и одобрения легитимных поведенческих стандартов. Даже имея возможность получить «гражданское» образование, будущие курсанты, под влиянием семейной традиции или социального

габитуса, не склонны доверять рыночным профессиям, так же как и затрачивать финансовые ресурсы на платные образовательные услуги.

В этом плане можно предположить, что курсанты высших военно-учебных заведений в основном составляют группу молодежи, квалифицируемую как «неотрадиционалистская». Принимая социальные изменения в обществе как неизбежность, адаптация совершается на основе актуализации семейной традиции, опыта старших поколений и негативного отношения к переменам в образовательной системе, содержащей риски неопределенности занятости, карьеры и материального достатка.

В курсантской среде получение диплома рассматривается не просто как процедура социальной номинации, вхождения во взрослую жизнь, но и как достижение социальной зрелости, возможностей самостоятельно определять жизненные цели в контексте нейтрализации рисков депривации, связанной с возможной безработицей, расходами на переобучение, поиском жилья и невозможности создания семьи.

Практически курсанты вузов, осознавая трудности жизненного пути молодежи, рассматривают высшее образование как достаточное в достижении начальной жизненной карьеры. Оценивая современное российское общество, как общество социальных неравенств, курсанты оценивают военное образование фактически как единственный сохранившийся канал поддержки молодежи со стороны государства. Будущая военная карьера описывается в рамках решения личных проблем, которые для молодежи выступают наиболее острыми. Поэтому установки на освоение знаний можно назвать процедурными, означающими выполнение условий, промежуточных по отношению к получению военной профессии и соответствующего диплома.

По сравнению со студентами диплом фиксирует повышение личной ресурсообеспеченности и способствует ориентации на интеграцию в военно-профессиональную среду. Спектр возможных вариантов жизнеустройства после окончания вуза для курсантов представляется узким в контексте избежания перемены профессии и надежд на реализа-

цию социальных льгот, связанных с военной службой. При планировании своего будущего курсанты осознают, что военная служба, не смотря на жесткость условий, в меньшей степени подвержена влиянию внешних обстоятельств, сохраняет высокую степень социальной защищенности и приоритета прав военнослужащего. Правда, на завершающем этапе обучения 45% опрошенных высказывают неудовлетворенность неясностью перспектив военной службы под влиянием стремительно происходящих изменений в военно-образовательной и военно-кадровой политике.

Преобладающая часть выпускников демонстрируют спад интереса к повышению профессиональной подготовки, планируют находиться на военной службе в зависимости от личных и семейных обстоятельств: отсрочка планов на повышение профессионального статуса определяется высокой стоимостью жизни в столичных городах, слабой зависимости служебной карьеры от повышения профессионального статуса, невозможности дополнительных доходов.

Процент планирующих только «учиться» в вузе значительно выше доли желающих достигнуть военно-академического образования. Объяснения можно найти не только в неостребованности потенциала кадров с высшим военным образованием, но и в том, что по когнитивным установкам большинство курсантов нацелены на «реальный» уровень образования, соответствующий их жизненным планам и знаниям.

Это обстоятельство демонстрирует, что образование постепенно вымывается из базовых социальных диспозиций, приобретая ситуативный контекст. Разумеется, военно-профессиональное образование молодежи диктуется потребностями в воспроизводстве и обновлении военных кадров, но одновременно носит адаптивный характер, становится уделом молодежи, нацеленной на получение образования сообразно обстоятельствам.

По сути, речь идет о внесении в когнитивные установки жизненных стратегий, связанных с постоянной занятостью, перспективами семейного счастья и сохранением стабильного социального самочувствия. Можно согласиться с тем, что российское общество не в состоянии предоставить сему молодому

поколению условия реализации важнейших жизненных ценностей в рамках традиционной модели. Курсантская молодежь актуализирует традиционные жизненные планы на основе замещения вынужденной самостоятельности репродуктивной социально-профессиональной карьерой, для которой приоритетными являются приверженность ценностям военной службы, сохранение профессиональной мотивации при ослаблении корпоративных ценностей, которые в современных условиях подвергаются натиску внешних обстоятельств (падения престижа профессии офицера, монетизация общественных отношений, приоритет потребительских ценностей).

Общая для курсантского состава тенденция заключается в том, что намеревающихся завершить учебу в вузе оказывается значительно больше, чем тех, кто намерен рассматривать военно-профессиональную карьеру, как жизнеобразующую. Идентичность курсантского состава, если понимать осмысленные социальные позиции в складывающейся социальной иерархии, можно характеризовать как транзитивную: курсанты, с одной стороны, осознают различия с гражданской молодежью на пути вступления во взрослую жизнь, но ощущают схожесть жизненных траекторий в контексте общественных перемен и по сравнению со старшими поколениями. Иными словами, соглашаясь с оценкой условий, требований и целей военного образования, как традиции, респонденты не склонны поддерживать интерес к корпоративным ценностям (военно-профессиональная солидарность, профессионализм, взаимодоверие). Понятно, что участвуя в реализации коллективных практик, курсанты ограничены в возможности демонстрировать индивидуализм, но в своих жизненных планах ориентируются на собственные силы и возможности, что определяет отношение к учебе как необходимому, но не связанному с жизненным самоопределением периодом. Вот почему для 53% респондентов сфера самоопределения лежит вне военного образования (семейная жизнь, круг близких, независимое существование). Различие с гражданской студенческой молодежью выявляется в том, что респонденты признают коллективные образцы поведения, как необходимые для алгоритмизации лич-

ных действий, что позволяет избежать риска социальной эксклюзии и сделать условия военного образования более «знакомыми», оптимизировать личные усилия и обрести чувство базовой уверенности.

Для курсантской молодежи свойственна иная проблема: осознавая, что в обществе очень сильно влияние индивидуализма, девиантной культуры общения, респонденты вынуждены проводить различие в выборе поведенческих стратегий по отношению к «своим» сослуживцам и к «чужим», занимающим позицию постороннего наблюдателя по отношению к военной службе или разделяющему негативные общественные стереотипы. В субъективной самооценке курсантов обнаруживается завышенность личных ресурсов с целью избежать депривации, которая может возникнуть и возникает в условиях демонстрации и навязывания в молодежной среде образцов престижного потребления, самоценности досуга и развлечений, возможности облегченной учебы. Для курсантов гражданское образование оценивается как «свободное», связанное с возможностями работать на стороне, отступать в сторону от норм и правил, коррупционными сделками и одновременно отсутствием минимальных жизненных гарантий. Оценивая военно-образовательный процесс в контексте отсутствия праздности, свободного времени и совмещения с военной службой, для респондентов основополагающее значение обретает стремление к адаптивным качествам.

Преимущество высшего военного образования становится очевидным для респондентов в контексте расширения коммерциализации сферы образовательных услуг и позитивной динамики безработицы выпускников гражданских вузов. Возможно, приоритетность прагматических условий может показаться свидетельством утраты респондентов к профессиональному, социализационному и социально-ориентационному аспектам высшего военного образования, но курсанты не воспроизводят доминирующую в студенческой среде установку на «общее» образование.

Во-первых, среди причин, связанных с поступлением в военный вуз, можно назвать желание стать военным профессионалом, офицером, что отличается от стремления к

«легкому» образованию. Во-вторых, респонденты полагают, что высшее военное образование сохранило традиции фундаментальной и специальной профессиональной подготовки, которые утрачены в системе гражданского образования под натиском рыночных «инноваций». В-третьих, респонденты демонстрируют надежду, что благодаря государственной политике подготовки военных кадров, существенно повысится техническая оснащенность, качество преподавания и военное образование вернет статус высокопрофессионального.

Очевидно, что мнения респондентов относительно целей преобразований в системе военного образования в целом совпадают с ожиданиями профессорско-преподавательского и командного состава и свидетельствуют о необходимости активизации усилий по совершенствованию образовательного процесса и повышения престижности профессии офицера. Респонденты слабо информированы о сущности Болонского процесса, считая, что наиболее рациональным в системе модернизации высшего военного образования являются реальный учет потребности в военных специалистах конкретного профиля, насыщение образовательного процесса элементами профессиональной компетентности и овладение новейшими военными технологиями.

Полагая, что большинство инноваций, связанных с внедрением «болонской системы» не соответствуют специфике высшего военного образования, курсанты считают желательным видеть себя военными специалистами, способными использовать образовательный ресурс для профессиональной карьеры. Такой настрой объясняется осознанием недостаточности полученного образования для горизонтальной социальной (профессиональной) мобильности и для возможностей сделать «длинную» социальную карьеру, не прерываемую вынужденными периодами поиска работы, перемены профессии и адаптации к новой социальной среде.

Суть ситуации в том, что курсанты с недоверием относятся к нововведениям, нарушающим стереотипы практического образования, выработанные алгоритмы подхода к освоению учебного процесса. Иначе говоря, они хотели бы, чтобы принятие новых обра-

звательных стандартов, было постепенным и соответствовало их схемам восприятия высшего образования. Поэтому в отношении к модернизации высшего военного образования присутствуют элементы «двойственности»: с одной стороны, респонденты демонстрируют позитивное отношение к переменам, с другой, обеспокоены тем, как нововведения повлияют на перспективы получения диплома специалиста и послевузовскую военно-профессиональную карьеру.

В их понимании для перехода к системе подготовки современных специалистов требуется разгрузка от «избыточных» обязанностей, что не совсем совпадает с правилами и нормами несения военной службы и расширения возможности курсантов использование ресурса свободного времени, что опять же требует дифференцированного подхода, определяемого реальными установками и возможностями курсантов к самостоятельной, в рамках образовательного процесса, когнитивной деятельности.

Современное военное образование, и это не является секретом, сталкивается с проблемой недостаточной общеобразовательной компетентности выпускников средних школ, реальными «пробелами» фундаментальных знаний, что затрудняет и удлиняет процесс перехода к освоению военно-профессионального цикла. Характерно, что «ответственность», «самостоятельность», «самоорганизованность», как желаемые социетальные качества, в достаточной степени проявляются только у трети курсантов. «Перелом» в настроениях курсантов может быть действительным, если будущий офицер согласует нормы внешнего социального контроля и самоконтроля, способен планировать будущее и адекватен в социальной самооценке.

Переменам в социальных диспозициях курсантов мешают стереотипы «самодостаточности» и «коллективного ухода от ответственности», которые проявляются в разделяемой многими респондентами, установками на образовательный процесс, как номинационную процедуру, связанную не столько с повышением личностной ресурсообеспеченности, сколько с социальной аттестацией, получением возможности стать специалистом «по диплому». Существенной проблемой, препятствующей интеграции курсантов в

модернизируемого высшее военное образование, является наличие в курсантской среде адаптивных практик, направленных на закрепление достигнутого социального статуса и уход от инноваций, содержащих риски дополнительных усилий и селекции по критериям образовательной компетентности.

Зачастую респонденты в силу «двойственности» отношения к проблеме модернизации образования, не разделяют системные эффекты и личную ответственность, воспринимают меры, направленные на формирование современного военного специалиста, как расходящиеся с их представлением об образе офицера. Учитывая, что для большинства респондентов опыт военно-профессиональной среды практически отсутствует до поступления в вуз, можно предположить, что сформировавшиеся под влиянием СМИ, знакомых, родных, представления неизбежно изменяются в процессе образования, сохраняя при этом чувство, что курсанты испытывают самоограничения, и в этом смысле «их жизнь хуже, чем у гражданских сверстников».

Именно эта «повышенная самопожертвенность» показывает, что в отношениях курсантов слабо выражена ориентация на сокращение различий между гражданским и военным образованием, их социальные диспозиции, конечно, сближаются с нормой, присутствующей в молодежной среде, но не настолько, чтобы мы ожидали «вестернизированность» курсантского состава, безоговорочное одобрение инноваций без учета жизненных планов и образов восприятия и классификации процессов в военном образовании.

В нашем исследовании консистентными факторами выступают отношение курсантов к военному образованию, к будущей профессии и собственному месту в контексте происходящих изменений. Подчеркивая относительную однородность курсантской среды, выявляется высокая степень избегания неопределенности и ориентации на будущее. Этот вывод тем более интересен, что современная российская молодежь в целом настроена на прагматическую модель образования, ориентированную на получение высокодоходной и надежной профессии. На основании имеющихся данных мы можем сделать вывод, что курсанты представляют слой молодежи, ис-

пользующей традиционные схемы для жизни в современном российском обществе.

Обладая характеристиками мускулинности, уверенности и индивидуальной ответственности, респонденты считают, что получение высшего военного образования способствует их самореализации как самостоятельных, склонных преодолевать жизненные трудности, строить планы на будущее личности. Инновации, повышающие степень неопределенности, вводящие критерии конкурентности и обязательности «образования на всю жизнь», расходятся с представлением о достижении «взрослого» статуса после завершения учебы в вузе.

Выбор профессиональной карьеры, как мы убедились, осуществляется в соответствии с рациональной оценкой жизненных шансов. Осознавая, что в современном российском обществе трудно сделать успешную карьеру без семейного, культурного, социального капиталов, респонденты связывают с поступлением в военные вузы возможность воспользоваться поддержкой государства, преимуществами «некоммерческого образования», гарантиями обеспеченности жильем и занятостью. Инициатива, инновационность курсантов ориентирована на оптимальное использование имеющихся возможностей, что не исключает однако, что влияние «достиженчества» может привести к конфликту с требованиями и целями образовательного процесса. Речь идет о том, что стремление к позитивной отдаче не обязательно согласуется с выполнением объема требований, предъявляемых к курсанту.

Разумно предположить, что вчерашний школьник, ориентированный на индивидуальный успех, будет испытывать напряженность в контексте необходимости выполнять нормы, ограничивающие алгоритмы «избежания трудностей и повышения определенности». Означает ли это, что должен происходить процесс либерализации высшего военного образования, внедрение моделей взаимодействия, принятых в гражданском образовании. По этому поводу можно сказать, что российское гражданское образование является слишком разнородным, мозаичным, не достигшим интегрированности на уровне конкретного образовательного образца. Очевидно, что военное образование не может принять нор-

мы элитных вузов и быть «похожим» на полуанархическое состояние межличностных субъектных отношений в массовых вузах, где высока степень отчужденности преподавателей и студентов, фактически свернута воспитательная работа и слаба система управления повседневным поведением студентов.

В поисках достижения оптимальной отдачи высшего военного образования, мы должны не забывать о специфике образовательного процесса в военных вузах, ориентироваться не на решение сиюминутных задач, а перспективы военного строительства. В определенной степени эти цели выходят за рамки военного образования. Подготовка военных специалистов нового типа начинается с формирования курсантского состава с привлечением в военные вузы молодежи с наметившимися военно-профессиональными ориентациями и с чувством лояльности к военным традициям и культуре. В современном военном коллективе человек с пристрастием к ценностям индивидуализма проблемен, так как воспринимает иерархию статусов, коллективистские практики, воинский коллектив, как проявление авторитаризма и ограничение самостоятельности. Чтобы избежать внесистемных влияний на курсантскую среду, сформировать у курсантов представления о высшем военном образовании не только как о способе реализации жизненных планов, но и среде, формирующей личность, желательно, чтобы вузовская система работала не на укорененность ценностей военной службы, воспринимаемых как «естественные», сосредоточившись на вопросах повышения качества знаний курсантов, как будущих специалистов, привития качеств самодисциплины и ответственности, повышенной профессиональной и социальной мобильности.

Результаты предпринятого исследования показывают, что, принимая в целом позитивно изменения в системе высшего военного образования, курсанты основываются на «желательной» модели военного образования, как системе, обеспечивающей длительную социальную карьеру, закрепляющей статус специалиста, гарантирующей определенные социальные льготы. Отношение к образовательному процессу, таким образом, коррелируется с субъективной оценкой жизненных шансов, с габитусом, с осознаваемыми куль-

турными и социально-профессиональными различиями с гражданской студенческой молодежью. Модернизация образовательного процесса, по мнению респондентов, не должна создавать отрыва от старших поколений, содействовать повышению личностного потенциала и возвращению престижа военной профессии.

Литература

1. *Андреев А. Л.* Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства. // Социс. – 2007. – №9. – С. 38–45.

2. *Константиновский Д., Вахитайн В., Куракин Д., Рощина Я.* Доступность качественного общего образования: возможности и ограничения. – М., 2006.

3. Образование и молодежная политика в современной России. – СПб., 2002.

4. *Соловьев С. С.* Офицеры в социальной структуре современного российского общества. // Социология в России. Вып. 4. – М., 2002.

5. *Ядова М. А.* Поведенческие установки постсоветского поколения. // Социс. – 2006. – №10. – С. 78–88.

Поступила в редакцию

24 февраля 2011 г.

Евгений Борисович Харченко – начальник Филиала Военной академии связи (г. Новочеркасск), соискатель кафедры социологии ИППК ЮФУ.

Evgeniy Borisovich Harchenco – head of Military Communications Academy's branch in Novocherkassk, competitor for candidate's degree at SFU PPQI Department of Sociology.

346418, г. Новочеркасск, ул. Атаманская, д. 36
36 Atamanskaya st., 346418, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел./факс: (8635) 22-09-31, 22-72-01; e-mail: mail@nvvkys.ru